Александр Мень. Христианство (лекция)

Лекция 8 сентября 1990 г.

...Итак, мы с вами идем к завершению нашего путешествия по эпохам, по кругам миросозерцаний. И мы подошли к вершине, к тому сверкающему горному леднику, в котором отражается солнце и который называется -- христианством.

Конечно, христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам. Но одновременно оно ответило на чаяния большинства из них. И самое сильное в христианской духовности -- именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота.

Если буддизм был пронизан страстным стремлением к избавлению от зла, стремлением к спасению (Будда говорил, что как воды морские пропитаны солью, так и его учение -- дхарма -- проникнуто идеей спасения), то эта жажда спасения, обетование спасения присущи и христианству, Новому Завету.

Если в исламе есть абсолютная преданность человека Богу, который является суверенным властелином космоса и человеческой судьбы, то это самое мы находим и в христианстве.

Если в китайском миросозерцании небо -- Цянь -- является чем-то ориентирующим человека в жизненных вещах, даже в мелочах, в различных оттенках традиций, то и это есть в христианстве.

Если брахманизм (современный индуизм) говорит нам о многообразных проявлениях Божественного, то и это есть в христианстве.

Если, наконец, пантеизм утверждает, что Бог во всем, что он, как некая таинственная сила, пронизывает каплю, каждый атом мироздания, -- то христианство и с этим согласно, хотя оно не ограничивает воздействие бога только этим пантеистическим всеприсутствием.

Но мы бы ошиблись с вами, если бы считали, что христианство явилось как некая эклектика, которая просто собрала в себе все элементы предшествующих верований. В нем проявилась колоссальная сила чего-то нового. И это новое было не столько в доктрине, сколько в прорыве иной жизни в нашу обыденную жизнь. Великие учителя человечества -- авторы "Упанишад", Лао-цзы, Конфуций, Будда, Мохаммед, Сократ, Платон и другие -- воспринимали истину как вершину горы, на которую они поднимаются с величайшим трудом.

И это справедливо. Потому что истина -- не та вещь, которая дается легко в руки, она действительно похожа на высокую гору, куда надо восходить: тяжело дыша, карабкаясь по уступам, порой оглядываясь назад, на пройденный путь, и чувствуя, что впереди еще крутой подъем.

Я никогда не забуду замечательных слов, которые сказал простой гималайский горец, шерп по национальности, по имени Тэн-синг, который восходил на Эверест вместе с англичанином Хиллари. Он говорил, что к горам надо приближаться с благоговением. Так же -- и к Богу. Действительно, горы требуют особого настроя душевного, чтобы понять их величие и красоту. Истина закрывается от тех людей, которые идут к ней без благоговения, без готовности идти вперед, несмотря на опасности, пропасти и расселины. Восхождение -- такова история человечества.

Вы легко мне возразите: а сколько было ступеней, ведущих вниз? Да, конечно. И на первый взгляд, ступеней, ведущих вниз, больше. Людей, которые падали и катились вниз, в бездну, больше. Но для нас важно, что человек все-таки поднимался в эти надоблачные вершины. И он тем и велик, человек, что он способен был подняться туда, где, как говорил Пушкин, "соседство Бога", в горы умственных и духовных созерцаний. Человек имеет две родины, два отечества.

Одно отечество -- это наша земля. И та точка земли, где ты родился и вырос. А второе -- это тот сокровенный мир духа, который око не может увидеть и ухо не может услышать, но которому мы принадлежим по природе своей. Мы дети земли -- и в то же время гости в этом мире.

Человек в своих религиозных исканиях бесконечно больше осуществляет свою высшую природу, чем когда он воюет, пашет, сеет, сорит. И термиты строят, и обезьяны воюют по-своему (правда, не так ожесточенно, как люди). И муравьи сеют, есть у них такие виды. Но никто их живых существ, кроме человека, никогда не задумывался над смыслом бытия, никогда не поднимался выше природных физических потребностей. Ни одно живое существо, кроме человека, не способно пойти на риск -- и даже на смертельный риск -- во имя истины, во имя того, что нельзя взять в руки. И тысячи мучеников всех времен и народов являют собой уникальный феномен в истории всей нашей Солнечной системы.

Но когда мы обращаемся к Евангелию, мы попадаем в иной мир. Не в тот мир, который дает нам картину волнующих поисков, порыва к небу, -- а мы оказываемся перед тайной ответа.

Двадцать пять лет принц Гаутама, будущий Тадхагатта Будда, проводил в аскетических усилиях, чтобы достигнуть созерцания. Так же трудились -- умственно, духовно и психофизически -- йоги, философы, подвижники. Но Иисус Христос приходит из простой деревни, где он вел жизнь рядового человека. В нем все было готово, он никуда не поднимался. Он, наоборот, спускался к людям.

Каждый великий мудрец сознавал свое неведение. Сократ говорил: "Я знаю, что я ничего не знаю". Величайшие святые всех

времен и народов ощущали себя грешниками гораздо более остро, чем мы с вами, потому что они были ближе к свету, и каждое пятно на жизни и совести им было видней, чем в нашей серой жизни.

У Христа нет сознания греховности. И у него нет сознания того, что он чего-то достиг, -- он приходит к людям, неся им то, что в нем самом есть изначала, от природы.

Я должен сразу обратить ваше внимание на то, что Иисус Христос не начал проповедовать "христианство", как некую концепцию. То, что он возвестил людям, он назвал "бесора", по-гречески "euangelion", что значит "радостная весть", "радостное известие".

В чем же заключалось это радостное известие?

Человек имеет право не доверять мирозданию. Человек имеет право чувствовать себя в чужом и враждебном мире. Такие современные писатели, как Альбер Камю, Жан-Поль Сартр и другие часто говорили о страшной абсурдности бытия. Нас обступает нечто грозное, бесчеловечное, бессмысленное, абсурдное, и доверять ему невозможно. Холодный, мертвый или мертвящий мир. Правда, я здесь оговорюсь: эти писатели, романисты, драматурги, философы выступали с позиции атеистического мировоззрения -- экзистенциализм у Сартра и Камю -- атеистический.

Они как-то не заметили одну вещь.

Когда они говорят, что мир абсурден, то есть бессмыслен, они это знают только потому, что в человека заложено противоположное понятие: смысла. Тот, кто не знает, что такое смысл, не чувствует, никогда не поймет, что такое абсурд. Он никогда не возмутится против абсурда, никогда не восстанет против него, он будет с ним жить как рыба в воде. Именно то, что человек восстает против абсурда, против бессмыслицы бытия, и говорит в пользу того, что этот смысл существует.

Древнее библейское провозвестие говорит нам о том, что мы можем совершить внутренний переворот и сказать бытию -- да, довериться тому, что кажется страшным и грозным. И тогда через хаос, через абсурдность, через чудовищность жизни, как солнце через тучи, глянет око Божье. Бога, который имеет личность -- и личность, отображенную в каждой человеческой личности. И контакт с ним возможен -- как союз между подобными существами. Весь фокус человечества -- это удивительная его аналогия с Тем, Кто создал мир.

Чарлз Дарвин говорил, что, хотя он воспринимает мир не механически, как процесс, -- все же, задумываясь над его сложностью, он не может понять: неужели слепая случайность смогла все это породить, и не следует ли нам за всем этим видеть некий разум, в чем-то аналогичный нашему? (Можно к этому добавить: не просто аналогичный, но безмерно превосходящий наш

разум.)

И в ветхозаветной библейской религии, о которой мы с вами говорили уже, возникло вот это понятие о вере-доверии. Не вере как некоем теоретическом, философском или религиозном убеждении, а вере как акте порыва через мертвящую, абсурдную действительность, когда человек говорит Богу: да, я принимаю и внимаю. Так возник древний завет между Богом и человеком, древний союз.

Но, конечно, союз между примитивным, древним человеком и божественным не мог быть окончательным и совершенным. Это было воспитание человеческого рода, детство человеческого рода, потом юность... И в седьмом веке до нашей эры пророк Иеремия сказал: "Так говорит Господь. Я заключу с народом Новый Завет, "брит ха хадаша", новый союз, который будет не такой, как прежний. Он будет начертан в сердцах".

И вот -- ночью совершается жертва...

Через семьсот лет после пророка Иеремии в маленькой комнате собираются двенадцать человек, и совершается жертва. Обычно жертва совершалась с употреблением крови. Кровь была символом жизни. А жизнь принадлежит только Богу. И вот члены собравшегося общества были окропляемы кровью жертвенного животного. Так было издавна у всех народов, вплоть до глубоко первобытных времен, до палеолита. И Моисей, когда заключал завет с народом Бога, окропил всех кровью жертвенного агнца.

А вот в эту ночь, о которой я говорю, которая произошла весной 30-го года первого столетия нашей эры, Иисус Назарянин в окружении двенадцати совершает обряд воспоминания о свободе, которую дарует Бог. И крови здесь нет, а есть чаша с вином и хлебом. И он разламывает этот хлеб и раздает всем и говорит: "Это мое тело". Как жертвенный агнец за людей. И он обносит чашу среди учеников и говорит: "Это Моя кровь, которую Я проливая за вас, это Новый Завет в Моей крови".

Таким образом, в этой священной трапезе, о которой мы с вами говорили, когда касались литургии, Бог и человек соединяются уже не в реальной физической крови, но в символической крови земли, ибо виноградный сок, вино -- это есть кровь земли, а хлеб -- это есть плод земли, это природа, которая нас кормит, это Бог, который отдает себя людям в жертву. И вот Иисус Назарянин совершает эту жертву.

И с того мгновения, с той священной ночи чаша не перестает возноситься и совершается евхаристия. Во всех направлениях христианства, во всех церквах и даже сектах, всюду этот знак присутствует.

Иногда говорят, что Христос возвестил новую мораль. Да, он сказал: "Заповедь новую даю вам -- любите друг друга, как Я возлюбил вас".

И раньше существовала заповедь о любви, и слова "люби ближнего как самого себя" принадлежат Моисею. А Христос придал ей совершенно особое звучание -- "как Я возлюбил вас", потому что ради любви к человечеству он остался с нами на грязной, кровавой и грешной земле -- только чтобы быть с нами рядом. То есть его любовь стала любовью самоотдающей, и поэтому он говорит: "Кто хочет за мной идти, тот пусть отвергнет себя". То есть своей самости, -- не своей личности, отнюдь, личность -- святое, а своего ложного самоутверждения, самости. Отдаст себя, возьмет свой крест, то есть свое служение, в страдании и в радости, -- и тогда за мной идет.

Христос призывает человека к осуществлению божественного идеала. Только близорукие люди могут воображать, что христианство уже было, что оно состоялось -- в тринадцатом ли веке, в четвертом ли веке или еще когда-то. Оно сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается, и то, что было раньше, то, что мы сейчас исторически называем историей христианства, -- это наполовину неумелые и неудачные попытки реализовать его.

Вы скажете: ну а как же -- у нас были такие великие мастера, как неведомые иконописцы, Андрей Рублев, и т.д.!

Да, конечно, были и великие святые. Это были предтечи. Они шли на фоне черного моря грязи, крови и слез. Очевидно, это главное, что хотел (а может, и не хотел, невольно так получилось) показать Тарковский в своем фильме "Андрей Рублев". Вы подумаете, на каком фоне создалось это нежнейшее, феерическое, божественное видение Троицы! То, что изображено в этом фильме, было правдой. Война, пытки, предательства, насилие, пожары, дикость. На этом фоне человек, не просвещенный Богом, мог создавать только "Капричос", какие создавал Гойя. А Рублев создал божественное видение. Значит, он черпал это не из действительности, которая была вокруг него, а из духовного мира.

Христианство -- не новая этика, а новая жизнь. Новая жизнь, которая приводит человека в непосредственное соприкосновение с Богом, -- это новый союз, новый завет.

И в чем же тут тайна? Как понять -- почему, как магнитом, человечество притягивает к личности Иисуса Христа, хотя он пришел в мир уничиженный, и не было в нем ни таинственности индийских мудрецов, ни поэтической экзотики восточной философии?

Все, что он говорил, было просто, ясно. Даже примеры его притч были взяты из обыденной жизни.

Это тайна, которую он раскрывает в коротких словах, мы их слышим в Евангелии от Иоанна. Филипп говорит: "Покажи нам Отца, Отца всяческих". Тот, кого греки называли Архэ, Первоначало, где он? И Иисус отвечает -- как не отвечал ни один философ на земле: "Сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Кто видел Меня, тот видел и Отца". Такие слова он говорил не раз, и многие люди поворачивались к нему спиной и в негодовании уходили, потому что это был всегда -- вызов. Надо было понять особую тайну. Никогда Христос не формулировал эту тайну прямо. Он только спрашивал людей: "За кого Меня принимают? За пророка, за воскресшего Иоанна Крестителя? А вы?" "Ты Помазанник, Царь, Мессия, Сын Бога живого". Здесь должен открыться какой-то внутренний опыт. И он это спрашивает до сих пор, спрашивает каждого, потому что это говорит Бог человеческими устами. Иисус Христос -- это человеческий лик Бесконечного, Неизъяснимого, Необъятного, Неисповедимого, Безымянного. И прав был Лао-цзы, когда говорил, что имя, которое мы не произносим, и есть вечное имя. Да. Безымянного и Непостижимого. А тут он становится не только называемый по имени, даже называемый человеческим именем. Тот, кто несет вместе с нами тяготы жизни.

Вот в этом центр и ось христианства.

Когда мы от Евангелия переходим к Деяниям и Посланиям, мы должны обратить внимание на вторую личность Нового Завета. Как говорил один французский ученый, Новый Завет состоит из двух биографий: Иисуса Христа и его последователя Савла Тарсянина -- апостола Павла.

Разумеется, любой из вас, переходя от Евангелия к посланиям Павла, будто попадает с неба на землю. Хотя Павел во многом превосходил евангелистов. Это был человек огромного таланта, духовной мощи, образования. Этот человек создал личностные произведения. Его послания -- это вещи, написанные кровью сердца. Но сравнить их все равно с Евангелиями трудно. Потому что Евангелия отражают не столько литературный дар апостолов-евангелистов, сколько тот Образец, который они видели перед собой. И если апостол Павел перед нами -- это только человек, то Христос есть откровение Божие.

Но чем важен для нас апостол Павел? Почему Церковь поставила его рядом с Христом в Новом Завете? Почему большая часть посланий -- четырнадцать -- написаны от его имени? Почему в Деяниях апостольских его биография занимает львиную долю?

В том-то и дело, что апостол Павел, очевидно, никогда не видел лица Иисусова во время его земной жизни. Хотя есть исторические гипотезы, что они могли пересекаться в Иерусалиме. (Сам он родился в первых годах нашей эры в Малой Азии, но в Иерусалиме учился, тогда мог видеть Иисуса.) Но все-таки достоверно будет считать, что он его не видел никогда.

Я думаю, что это-то и привлекает Церковь к его личности.

Ибо мы -- тоже не видели этого Лица. Но Христос явился Павлу с такой достоверностью, которая значительно превосходит любое соприкосновение внешнее.

Внешне Христа видели и его враги, и книжники, и фарисеи, и Пилат. Но это не спасло их.

Павел тоже был врагом, но Христос его остановил на дороге в Дамаск и призвал стать апостолом. Это событие изменило не только его судьбу, но и судьбу всей ранней Церкви: потому что Павел стал одним из тех, кто понес Евангелие из Сирии и Палестины по широкому миру. Его называли апостолом народов, или апостолом язычников.

Воспитанный в иудействе, он прекрасно знал ту истину, что с Богом слиться невозможно, что человек Востока, который думает, что он, переживая экстаз, уже слился с Абсолютом, -- находиться в заблуждении. Он лишь соприкасается этому, ибо в недрах Божества кипит вечный огонь, который все растворяет в себе. Между Творцом и тварью лежит бездна -- как между абсолютным и условным, ее нельзя перепрыгнуть ни логически, ни бытийственно.

Но есть мост, который перекинут над этой бездной. И почувствовал этот мост сам Павел. Потому что он увидел Христа и внутренне с ним соединился, бесконечной любовью был к нему прикован: так, что ему казалось, что он носит раны Христовы на себе, что он с ним вместе на кресте умирал и с ним воскрес. Он так и говорит: "Уже не я живу, но живет во мне Христос. Вместе с Ним я умер, и вместе с Ним я восстаю к жизни". Если с Богом нельзя слиться, то с Богочеловеком можно, ибо он принадлежит одновременно двум мирам: нашему и запредельному.

И на этом построен весь путь христианских мистиков, от Павла до сегодняшнего дня.

Путь к Отцу только через Сына.

"Аз есмь дверь", -- говорит Христос. Я есть дверь, врата в небо. Повторяя различные молитвы, христианские подвижники могут уподоблены восточным, индийским, которые повторяют разные мантры. Здесь есть сходство и параллель. Но одна из главных молитв христианского подвижничества называется "Иисусовой молитвой", где повторяется постоянно имя родившегося, жившего на земле, распятого и воскресшего. И вот эта христоцентричность главной христианской молитвы радикально отличает ее от всех остальных медитаций и мантр, потому что здесь происходит встреча: не просто концентрация мысли, не просто сосредоточение, не просто погружение в некий океан или бездну-духовность, а встреча личности с Лицом Иисуса Христа, который стоит над миром и в мире. Мне вспоминается стихотворение в прозе, написанное Тургеневым -- когда он стоял в деревенском храме и вдруг почувствовал, что Христос стоит рядом. Повернувшись, он увидел обычного человека. И потом,

когда отвернулся, он опять почувствовал, что Он здесь.

Это правда, оно так и есть. И Церковь Христова потому и существует и развивается, что Он стоит внутри нее.

Заметьте, что он не оставил христианству ни одной написанной строчки -- как Платон, который оставил нам свои диалоги.

Он не оставил нам скрижалей, на которых начертан Закон, -- как Моисей оставил скрижали.

Он не продиктовал Коран, как Мохаммед.

Он не образовал ордена, как сделал Гаутама Будда.

Но он сказал: "Я с вами остаюсь во все дни до скончания века". Когда они чувствовали, что расстаются с ним, он произнес слова вещие: "Я не оставлю вас сиротами, но приду к вам". И это продолжается и происходит сегодня. Весь глубочайший опыт христианства строится только на этом, все остальное -- это как бы поверхностные слои. Во всем остальном христианство может становиться похожим на прочие религии.

Религии в мире есть часть культуры. Они вырастают вместе с порывом человеческого духа к вечности, к непреходящим ценностям. Здесь же -- поток идет свыше, с неба, и поэтому один из теологов нашего столетия имел право сказать: "Христианство -- это не одна из религий, а кризис всех религий". Оно поднимается над всем, потому что, как говорит нам апостол Павел, никто не спасается делами Закона, а только верой во Иисуса Христа.

В заключение -- я должен эту ключевую фразу вам объяснить. Что такое дела Закона? Это система религиозных обрядов, правил. Нужны ли они? Да, нужны: как воспитательное средство. Они создаются людьми. Иногда по великим прозрениям, иногда просто в силу традиции, иногда по заблуждению.

Дела Закона... Иногда эти законы идут от откровения Божьего, как в Ветхом Завете. Но -- для определенной фазы умственного т духовного развития. А что значит -- спастись? Это значит соединить свою эфемерную временную жизнь с бессмертием и Богом. Вот что такое спасение. Приобщение к Божественной жизни. Жажда этого приобщения живет в нас, в каждом человеке. Она спрятана, скрыта, мы можем ее куда-то внутрь затолкать, но она все равно есть в человеке. Так вот апостол говорит, что Закон свят. Ветхозаветный Закон свят, и Бог дал его, но приобщиться к жизни божественной можно только через веру в Иисуса Христа.

Опять-таки, что значит вера в Иисуса Христа? Вера в то, что жил такой человек на земле? Это не вера, а знание. Современники помнили, что он жил. Евангелисты оставили нам достоверные свидетельства. Историк сегодняшний нам скажет, что

да, такой был. Попытки разных пропагандистов утверждать, что Христос -- это миф, давно разрушены. Только в нашей стране, как в заповеднике всяких чудес, сохранилась эта концепция.

Что же это означает -- в него верить? В то, что он пришел из других миров? Это тоже правда, но это все-таки теория. И здесь мы должны вспомнить о той вере, которая декларирована в Ветхом Завете: доверие к бытию.

Еще когда Авраам сказал Богу "да", -- вернее, не сказал, а молча повиновался Его призыву, -- вот тогда и родилась вера. На древнееврейском языке слово "вера" звучит как "эмуна" -- от слова "аман", верность. "Вера" -- понятие очень близкое к понятию "верность". Бог верен своему обещанию, человек верен Богу; слабый, грешный, он все-таки верен Богу. Но Богу какому? Сокровенному, грозному, как мироздание, порой далекому от человека, как океан.

Христос открывает иной вид Бога: через себя. Он не иначе называет Его, как "Отец". Иисус Христос почти никогда не произносит слово "Бог". Он всегда называет Его Отец. И в своей земной жизни он употребляет для этого такое слово, нежное и ласковое, которое дети употребляют на Востоке, обращаясь к отцу. Это непереводимо, но это так. Христос открывает Бога как нашего небесного Отца, -- и тем самым создает братьев и сестер, ибо братья и сестры возможны лишь когда у них есть общий отец.

И вот общий духовный Отец -- это Бог. А открытость сердца вести Иисуса Христа -- это и есть тайна Евангелия. Потому что любой из вас отлично знает, насколько человек запутан, слаб, насколько в нем свили гнезда всевозможные комплексы и грехи.

И есть сила, которую Христос оставил на земле, которая выдается нам даром. Она по-русски так и называется -- благодать. Благо, которое дается даром. Не зарабатывается, а даром.

Да, мы должны прилагать усилия, да, мы должны бороться с грехом, да, мы должны стремиться к самосовершенствованию -- помня, что сами себя за волосы мы вытащить не сможем. Это работа только лишь подготовительная. Здесь коренное отличие христианства от йоги, которая думает, что человек может добраться до Бога и вломиться к Нему, так сказать, по собственному желанию. Христианство говорит: ты можешь себя усовершенствовать -- но до Бога добраться невозможно, пока Он сам к тебе не придет.

И вот благодать превосходит закон. Закон -- это первая стадия религии, которая начинается у ребенка. Вот это нельзя, это можно, какие-то правила, какие-то нормы. Нужно это? Да, конечно. Но потом приходит благодать: через внутренний опыт встречи с Богом. Это как любовь, это как ликование, это как победа, как музыка сфер.

Благодать -- это новая жизнь. Апостол Павел говорил: "Вот спорят между собой люди. Одни -- сторонники старинных, ветхозаветных обрядов. Другие (греки) -- против этого. А ведь ни то ни другое не важно. А важно только: новое творение -- и вера, действующая любовью".

Вот это и есть подлинное христианство. Все остальное на нем -- историческая обложка, рама, антураж; то, что связано с культурой.

Я вам говорю о самой сущности христовой веры. Бесконечная ценность человеческой личности. Победа света над смертью и тленьем. Новый завет, который возрастает, как дерево из маленького желудя. Новый завет, который сквашивает историю, как закваска тесто.

И уже сегодня вот это Царство Божие тайно является среди людей: когда вы творите доброе, когда вы любите, когда вы созерцаете красоту, когда вы чувствуете полноту жизни -- царство Божие уже коснулось вас.

Оно не только в далеком будущем, не только в футурологическом созерцании, оно существует здесь и теперь. Так учит нас Иисус Христос. Царство придет, он оно уже пришло. Суд над миром будет, но он уже начался. "Ныне суд миру сему", -- говорит Христос. Ныне -- то есть тогда, когда он впервые провозгласил Евангелие.

И он еще сказал: "А суд заключается в том, что свет пришел в мир -- а люди более возлюбили тьму".

Этот суд начался -- во время его проповеди в Галилее, в Иерусалиме, на Голгофе, в Римской империи, в средневековой Европе и России, сегодня, в двадцатом веке, и в двадцать пятом веке, и во всей истории человечества. Суд будет продолжаться, потому что это христианская история -- это история, когда мир идет рядом с Сыном Человеческим.

И если мы еще раз зададим себе вопрос: в чем же заключается сущность христианства? -- мы должны будем ответить: это богочеловечество -- соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным.

Это освящение плоти, ибо с того момента, когда Сын Человеческий принял наши радости и страдания, наше созидание, нашу любовь, наш труд, -- природа, мир, все, в чем он находился, в чем он родился, как человек и богочеловек, -- не отброшено, не унижено, а возведено на новую ступень, освящено.

В христианстве есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом. Но это победа Бога. Она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир.

На этом я закончу, чтобы в следующий раз рассказать вам о

том, как в конкретных церквах эта тайна богочеловечества реализовалась. Спасибо.